

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 915-930. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.915
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars

Roman A. Martyushov ^{a,*}, Yuriy V. Shirin ^{b,c}

^a Novokuznetsk Local Museum, Russian Federation

^b Tomsk State University, Russian Federation

^c Novokuznetsk institute (branch) of Kemerovo State University, Russian Federation

Abstract

The article shows the origins of subjectivism in assessments of metallurgy and smithcraft development level achieved by the historical ancestors of the Shors – the Kuznetsk Tatars. Based on critical analysis of the archive documents dated from the 17th to the 18th century, the statements on the lead role of the population of the Kuznetsk yasak county in supplying the Yenisei Kyrgyz, the Teleuts and the Dzungars with edged weapons and armors have been deemed unfounded.

An researching of the antiquities of the region was noted as unsatisfactory. In there does not reflecting a real situation in any sphere of economic activity of the Kuznetsk Tatars of the 17th-18th centuries. Any references to archaeological materials or absence thereof in assessment of metallurgy development level achieved by the population of the Mountain Shoria should be treated as speculations for the time being.

Suggests another interpretation has been proposed for some of well-known archaeological sources. New materials about a metallurgy of the Kuznetsk Tatars are given, accumulated for the past 30 years. Found metallurgical complexes can't be identified unequivocally without competent morphological evaluation of a slag and structures, or without special technological and chemical analyses.

Proposes hypotheses aimed at removing most of the contradictions in interpretation of all types of sources. Further focused archaeological research of this topic can shed a new light on economical adaptation of the South Siberian natives and transformation of their practices caused by contact with the Russian people.

Keywords: the Kuznetsk Tatars, smelting of iron, slag, blacksmith's craft, the New Time.

1. Введение

О высоком уровне развития черной металлургии у кузнецких татар, исторических предков одного из малочисленных народов Северного Алтая – шорцев, многократно повторялось в работах краеведов, историков, этнографов и археологов (Гмелин, 2003; Кашин, 1934; Смердов, 1947; Сергеев, 1973; Сунчугашев, 1979; Ширин, 1999; Каменецкий, 2005; Кимеев, 2013). С опорой на доступные письменные источники традиционно декларировалась ведущая роль различных социально-территориальных групп Горной Шории в снабжении кочевников – енисейских кыргызов, телеутов, а также джунгар – холодным оружием и доспехами на протяжении XVII – начала XVIII вв. Но в последние годы, в спектре существующих по данному вопросу точек зрения, начал проявляться все больший скептицизм. Иногда он доходит до полного отрицания значения черной металлургии в экономике если не всех кузнецких татар, то большей их части (Пьянзин, 2010; Овсянников, 2017). Решающим аргументом в обосновании позиции недоверия к сведениям письменных источников

* Corresponding author

E-mail addresses: martyushovromanandreevich@gmail.com (R.A. Martyushov),
shirin_a@mail.ru (Y.V. Shirin)

выступает не столько наличие в них противоречий, сколько то, что эти сведения не подкрепляются археологическими материалами региона. Среди последних отсутствуют какие-либо признаки высокоспециализированного горно-металлургического и кузнечного ремесла, а в музейных коллекциях нет вооружения, достоверно атрибутированного как изделия кузнечных татар.

Есть основания полагать, что за этим нарастающим недоверием краеведов к устоявшемуся мнению о легендарной роли древних кузнечных металлургов, скрывается определенная научная проблема.

2. Материалы и методы

Источниками данного исследования послужили актовые документы XVII–XVIII вв., отложившиеся в архивах Москвы, Омска и Томска, а также археологические материалы по металлургии кузнечных татар, накопленные за последние 30 лет.

Архивные документы рассматривались в контексте политических и культурных условий, реконструированных для Южной Сибири соответствующих периодов. Обращение к подлинным документам позволило в ряде случаев уточнить их прочтение и смысловое содержание. Архивные поиски выявили новые источники по данной теме.

Картографирование более 40 пунктов металлообработки позволило соотнести эту информацию с документированными сведениями по ясачным волостям кузнечных татар. В ходе обработки десятков археологических коллекций из нескольких музейных хранилищ Кемеровской области были систематизированы, частично реконструированы и заново атрибутированы сотни артефактов. Производилась морфологическая оценка разнотипных остатков железоделательного производства не менее чем из 20 пунктов с опорой на эталонные образцы, в том числе и полученные экспериментальными методами. Отобраны образцы для последующих естественнонаучных анализов.

3. Обсуждение

Традиция акцентирования внимания на металлургии и на кузнечестве как на важных статьях дохода коренных жителей горно-таежных ясачных волостей в окрестностях Кузнецка была заложена уже в XVII в. (Титов, 1890: 79; Крижанич, 1965: 419). Сделано это было на основе весьма скудных источников. Черная металлургия при описании населения Кузнецкого края подавалась как некая курьезная черта в их культуре, расцвечивающая текст повествования, без попытки разобраться в сути явления.

В начале XVIII в. в научных программах первых академических экспедиций, изучающих Сибирь, разнообразию экономических ресурсов регионов уже уделялось большее внимание. Знакомство Г.Ф. Миллера с актовыми документами кузнечкой воеводской канцелярии, в которых часто упоминалось железоделательное ремесло кузнечных татар, не могло не подтолкнуть его к более детальному прояснению данного вопроса. Личный опыт знакомства с металлургической практикой жителей Кузнецкого уезда в ходе поездки 1734 г. позволил Г.Ф. Миллеру дать ей весьма нетривиальную характеристику. Он писал: «Живущие здесь (у богатых месторождений руды. – Р.М., Ю.Ш.) ...татары стремятся по своим возможностям лучше использовать это данное природой богатство и плавят руду ...в маленьких ручных печах в железо. В Бешбаяковой и Елейской волостях по Мрасе имеются различные улусы, которые почти исключительно от этого имеют себе пропитание, а по Кондоме все волости, исключая последнюю Карачерскую, занимаются этим ремеслом. Они издавна, с первого завоевания этих мест, уплачивали свой ясак выплавленным ими железом, что, однако, позднее переменилось, когда в Сибири сами начали использовать железную руду. ...Калмыки, невзирая на то, что эти местности были обьясачены с русской стороны, все же не прекратили требовать с них старый ясак для себя. ...Те татары, которые плавят железо, имеют перед остальными преимущество в том, что они еще постоянно могут приносить этому народу ясак своим железом, вместо мехов. Некоторые же волости, которые не имеют поблизости железной руды или не умеют ее плавить, покупают железо у других для ясака калмыкам» (Гмелин, 2003: 78). Описание металлургической плавки, выполненной кузнечными татарами специально для членов экспедиции, удачно дополнило эту картину (Гмелин, 2003: 102–103).

В более поздних компилятивных работах XVIII–XIX вв. к этому мало что было добавлено. И.Г. Георги, посетивший Кузнецкий край в 1771 г., накануне открытия Томского железоделательного завода, еще пишет про кузнечных татар: «Не все, однако ж многие из них, упражняются в кузнечном деле, ... больше же продают невыделанного железа российским кузнецам» (Георги, 1776: 168, 169). Судя по всему, уже к рубежу XVIII–XIX вв. следует отнести почти полное угасание черной металлургии и кузнечества в структуре традиционных занятий коренного населения Горной Шории. Об этом ремесле перестают упоминать и документы, и путевые записки редких путешественников.

В начале XX в. к этой теме вновь обращаются первые советские этнографы (Дыренкова, Потапов, 1928; Потапов, 1936) и историки (Кашин, 1934; Шемелев, 1998). Именно в их работах были заложены и первые зерна скептицизма.

На рубеже 1920–1930-х гг. советскими этнографами под влиянием требования применения к своим исследованиям марксистской теории социально-экономических формаций начала разрабатываться концепция архаичности и консервативности социального и экономического укладов

таежного населения Горной Шории. В.Г. Богоразом (1927: 42), а вслед за ним и Л.П. Потаповым, тип хозяйства шорцев был описан как реликт пеших охотников и рыболовов Северной Евразии. Незначительное культурное влияние со стороны скотоводов признавалось только для некоторых родовых группы этого региона, граничащих с лесостепью. Такой подход к этнокультурной характеристике шорцев неизбежно сказывался на всем. Л.П. Потапов утверждал, что даже у местных металлургов приемы работы «были довольно первобытные» (Потапов, 1936: 101). По оценке Л.П. Потапова В.Н. Кашин неоправданно преувеличивает степень развития кузнечного дела в этом крае (Потапов: 1936: 102). Впрочем, это не мешало в более поздних работах и Л.П. Потапову утверждать, что кузнечные волости «представляли собой базу для снабжения джунгаров и киргизов военным снаряжением и холодным оружием» (Потапов: 1953: 167).

Вслед за этнографами и в работах советских историков на одной и той же странице можно было встретить такие же противоречивые тезисы, что шорцы снабжали железом другие районы Сибири и Джунгарию, что производство железа у них имело вид мелкого домашнего производства (Карпенко, 1963: 34). К этому приводило неоправданное расширение смыслового содержания источников, а также стремление встроить в нарратив разрозненные и разновременные сведения.

Разбирая условия, в которых могло произойти снижения роли металлургии в структуре хозяйственных занятий кузнечных татар, исследователи также рассуждали в контексте общетеоретических установок субъективистского характера. В качестве «причин» этого упадка назывался «колониальный гнет» (Потапов, 1936: 102) или некие «неблагоприятные экономические условия» (Сергеев, 1973: 128, 130; Каменецкий, 2005: 190). К полному исчезновению у кузнечных татар к XIX в. традиционной плавки руды малопроизводительным способом, по мнению этих авторов, привело широкое распространение русского промышленного железа. Под русским же влиянием якобы изменились и кузнечные технологии.

Другие делали больший акцент на роль административно-политических управленческих решений. Они пытались доказать, что деградация железодельного мастерства произошла в результате целенаправленной политики русского правительства (Кашин, 1934, № 9–10: 83; Шерстова, 2010: 99, 100). Эта теория органично вплеталась в представления о существовании шорского «оружейного центра», поэтому утраченное нередко именуется через понятие «разрушенная промышленность». Более того, по утверждению Л.И. Шерстовой, русские введениями запретов на продажу кочевникам железа нарушили демографическую и «этнополитическую стабильность» в регионе (Шерстова, 1999: 81). С этим выводом перекликается высказанное Б.О. Долгих предположение о зависимости густой заселенности края от занятия шорцев металлургическим производством (Долгих, 1960: 104).

Судя по всему, именно аффермативные тезисы подобных теорий, не обремененные доказательной базой, стали своеобразным катализатором для постепенного оформления радикального скептического направления в историографии данной проблемы.

Перечисленные свойства рассмотренных этапов в историографии в значительной мере вызваны тем, что использованные архивные документы не подвергались критическому анализу. Сведения из мемуарных источников, обладающих низким эвристическим потенциалом, рассматривались на одном уровне с актовыми документами, которые чаще всего привлекались в качестве своеобразных иллюстраций.

4. Документальные и археологические свидетельства

Нам неизвестны многие из начальных условий взаимодействия кузнечных татар с русской администрацией, кроме того, что «в Томской-де вершине живут 200 человек кузнецов, а делают доспехи и железца стрельные и котлы выкавывают» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 479–489). Нет ранних достоверных сведений о распределении варки железа и кузнечества по волостям. Неизвестны навыки кузнецов и качество их продукции.

В ранних документах бросается в глаза удивительно разнообразный состав оружия и доспехов в перечне возможных изделий кузнечных татар: панцири, бехтерцы, куяки, шлемы, копья, рогатины, сабли, наконечники стрел. Большинство из этих типов вооружения в ясачных сборах пока никем не отмечено, несмотря на прямую рекомендацию царской администрации все это брать в зачет государева ясака (ОР РГБ. Сборник грамот. №202. Л. 1–7). С чем это связано, пока не ясно, возможно, внимательная проработка ясачных книг ситуацию изменит. Но не исключено, что в переписке с Москвой кузнечные и томские воеводы подталкивали царскую администрацию к завышению оценки своей служебной активности, преувеличивая стратегическое значение объясачивания кузнечных татар.

Управленческие решения, направляемые в Сибирь в этой связи, были противоречивы. При этом, как справедливо заметил В.И. Шемелев, «...нигде в актах того времени мы не видим указаний на то, что царское правительство ставило своей исключительной задачей овладение кузнечной железодельной базой. Москве прежде всего нужна была пушнина как валюта и основная часть дохода царя» (Шемелев, 1998: 54).

В 1624 г. по указу из Москвы в Кузнецком остроге была организована кузница для переделки собираемых в качестве ясака криц «в отсучи и полосы» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 204. Л. 100–101). В связи

с попытками в 1620-х гг. наладить в Томске производство огнестрельного оружия на местном сырье возник временный спрос на кричное железо из кузнецких волостей. Только ко второй половине XVII в. крицы и дельное железо, поставляемые из Кузнецка, смогли миновать Томск и попасть на рынок других сибирских городов, в частности в Тобольск (Вилков, 1967: 58). Весьма показателен состав явленного там в 1670 г. по одной из проезжих грамот товара: 2 пуда «кришного железа» на 3 руб., 1,5 пуда «тоганого железа» на 2 руб. 8 алт. 2 ден., 1 пуд «дельного железа» на 1,5 руб. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 540. Л. 395). Но спрос на кузнецкое железо не мог быть высок из-за завышения цены. Дело в том, что правительство требовало пересчета стоимости железа и изделий из него через стоимость соболей (АИ, 1841: 374–375). Например, рекомендовалось брать за соболя не менее 30–40 криц, что может составлять около пуда (Выписки...; Сергеев, 1973: 127).

Уже в 1631 г. воеводам Кузнецка предписывалось брать ясак железом лишь в самых крайних случаях (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 30. Л. 480). Плохой сбыт принимаемого в казну железа приводил к тому, что его «остаток» вынуждены были неоднократно передавать при смене воевод. В таком остатке из взятого в 1640 г. ясака фигурировали: одна железная шапка и 21 таган (АИ, 1841: 374). В 1687 г. «на всякие кузнецкие расходы» были оставлены 3120 криц железа, принятые в зачет ясачной пушнины (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1425. Л. 1380б.; Кн. 1352. Л. 1290б.).

Царская администрация периодически, начиная с 1623 г., настаивала на запрете торговать ясачному населению с кочевниками предметами вооружения (ОР РГБ. Собрание грамот. №202. ЛЛ. 1–11) – «куяками, шапками железными, копьями, рогатинами и никакой ратной збруей». В ответ на очередное подобное предписание, полученное в 1641 г., кузнецкий воевода А.И. Зубов в своей отписке царю Михаилу Федоровичу в 1644 г. сообщал, что ясачные люди отказываются выполнить этот приказ, заявляя, что «...тем де мы ясачные люди и живем». При этом воевода посетовал, что «...в Кузнецкий, государь, острог твои государевы ясачные люди куюков и шапок железных и никакой ратной збруи и чёрново железа продавать не приносят» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 350–352).

К середине XVII в. ясачная нагрузка на кузнецов дальних от Кузнецка волостей возросла из-за возникающих условий «многоданничества». Документы сообщают о стремлении джунгар получить в качестве алмана с северных алтайцев как можно больше железной продукции, с упором на предметы вооружения. Джунгары могли действовать через кыргызов и телеутов, которые часть алмана собирали и в свою пользу (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 252. Л. 122–143; 181–195). В документе 1644 г., кроме прочего железа, которое приобрели джунгары во время одного из прохода через кондомские и мрасские волости «в киргизы», перечислены куюки, шлемы, стрелы и копья (РГАДА. Ф. Зюнгорские дела, 1645 г. Д. 1. Л. 34–39).

В упомянутой выше отписке А.И. Зубова указано, что в 1644 г., по непроверенным сведениям, «...ясачные люди, кондомские и мрасские, приготовили на продажу черным и белым калмыкам больши дву тысяч куюков и шапок железных против того ж» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 352). Остается только гадать, насколько далеки от истины эти цифры, но они, несомненно, значительно завышены. Без наличия сложной кооперации в горно-металлургическом производстве в кузнечестве и в изготовлении необходимой производственной оснастки, а также в углежжении вряд ли было возможно изготовление качественной продукции в столь больших объемах. То, что документы умалчивают о наличии у различных социально-территориальных групп кузнецких татар подобного разделения труда, скорее, говорит в пользу отсутствия этих условий. Без отлаженной логистики подобное массовое производство тоже весьма затруднительно. Ведь для того чтобы кузнецкие татары могли изготовить 2000 куюков, джунгары должны были предварительно развезти по труднодоступным улусам кондомской и мрасской тайги соответствующий объем сукна и иной ткани.

Интересно, что эта же цифра – 2000 куюков – вновь всплывает в 1657 г., в отписке томского воеводы И.Н. Приемкова-Ростова в Сибирский приказ. В ней говорится, что посланники сына Алтынхана Лоджана велели, «чтоб Кондомских волостей твои государевы ясашные люди зделали ему, Лоджану, 1000 куюков, а на Мрасе б зделали 1000 ж куюков. А будет де ясашные люди на Кондоме и на Мрасе ему, Лоджану, дву тысяч куюков не зделают, и он де хочет послать своих людей войною на кондомских и на мраских ясашных людей и велит воевать и з женами и з детьми в полон имать» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 513. Л. 130–140). В контексте документа это требование выглядит как наглый ультимативный вызов.

В 1653 г. кузнецкий воевода Ф.Е. Баскаков в ответ на грамоту Сибирского приказа писал: «И в нынешнем, государь, во 163-м [1655] году августа в 9 день послал я, холоп твой, к тебе, к государю, к Москве, тринадцать шапок железных простых, на сукна не набиваны, да двести шездесят шапочных полиц, да триста девяносто гвоздья железных, чем набивать на ушки шапочные полицы, и те твои государевы шапки посланы к тебе, ко государю, к Москве, осыпаны овсяною мукою, за твоею государевою кузнецкою печатью» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 471. Л. 27). Такие ничтожные объемы при дороговизне доставки, конечно же, не способствовали интересу царской администрации к железоделательному ремеслу кузнецких татар. А это, в свою очередь, мешало его объективному отражению в источниках.

Утверждение сибирских воевод, что кузнецкие татары были единственными поставщиками вооружения для кочевников Южной Сибири, видимо, далеки от истины. Известен случай, когда в начале 1690-х гг. десяток джунгарских подданных, двое из которых были кузнецами-оружейниками,

а остальные, видимо, их подмастерьями, пришли в Кузнецк на заработки. Пользуясь большим спросом на свои услуги, они задержались там на несколько лет. Кузнецкий воевода Л.Д. Нарыков в 1699 г. даже отправил царю Петру Алексеевичу куяк, шлем и наручи работы этих мастеров. Только накануне наиболее крупного набега на Кузнецк джунгары потребовали возврата своих людей (ДАИ, 1875. С. 394. № 81. XVIII). Видимо, не случайно, что именно в эти же годы в Кузнецке отмечена покупка куяка и панциря (Каменецкий, 2005: 190; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1125. Л. 27).

Отношения джунгар и кузнецких татар строились в русле политических тенденций эпохи, которые были весьма переменчивы. С конца XVII в. джунгары иногда заставляли двоеданцев платить алман исключительно соболями, стараясь собрать его раньше, чем русские ясак. Русская администрация, выражая джунгарам свое неудовольствие, стремилась вернуть прежние формы выплат алмана, с упором на кожи и железные изделия (при этом настаивая на недопустимости оружия) (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1052. Ч. 1. Л. 223–227).

В 1713 г., в очередной период обострения отношений с Россией, джунгары потребовали по всем кондомским ясачным волостям сверх обычного алмана «с каждого улуса по 100 полиц железных, в длину и ширину по четверти, да по 100 стрельных желез, по 2 бугача по котлу, по 2 молота да по клещам» (РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 57–64об.). Тут важно отметить, что требование было выставлено под угрозой смерти за невыполнение. Это ясное указание на его чрезмерность. В этом же году джунгары пытались собрать железо в сопоставимых объемах и с Забийских волостей. Один из сборщиков, спасаясь от преследования казаков, оставил, помимо пушнины, «...66 котлов железных, 109 таганов, шестеры стремена, железа конские, 900 стрельных железов, 100 железниц, 2 пятна железных, 2 комзы и 60 ковшей железных» (Памятники..., 1885: 317). Впрочем, за точность этой информации ручаться нельзя, т.к. она была записана со слов участников событий через много лет.

К 1740-м гг. в связи со строительством Кузнецкой укрепленной линии джунгары столкнулись не только с возросшим противодействием со стороны сборщиков ясака, но и с угрозой потери подвластного населения Северного Алтая. Наряду с военизированными акциями по разорению региона, калмыки предприняли увод из двоеданческих волостей части людей, среди которых были и квалифицированных кузнецы. Отставной казак И. Шабалин 26 февраля 1744 г. нашел в Таутелеутской волости уведенных ясачных «со всеми кузнечными снастями», «которые делают на ... зюнгорского владельца ружье и стрельные железца, пансыри и куяки, и за ту их работу дается от Галдан Черена жалование, а прежде они имели жительство в Елейской 9 человек, Кузенской 8 человек, Шерской 4 человек, Щелкальской 5 человек, Верхкумандинской 8 человек, итого 34 человека. Всех забрали с женами и детьми. Телеуты подтвердили, что таких кузнецов человек 40» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 118. Л. 176–190). К сожалению, мы не знаем, насколько эта выборка отражает генеральную совокупность, но пока это единственный документ, позволяющий хоть как-то оценить число занятых в кузнечном производстве мастеров и их распределение по некоторым волостям.

Остается сожалеть, что при изучении уровня развития металлургии кузнецких татар до сих пор не использован в полной мере еще один вид письменных источников – ясачные книги. Б.О. Долгих, который на их основе изучал вопросы численности, родоплеменного деления и расселения сибирских народов XVII в., отмечал большой потенциал этого источника при разработке хозяйственно-экономических проблем (Долгих, 1960: 7).

В 1745 г. отмечен один из последних приходов джунгар из Канских волостей в Кумандинскую и Кондомскую Итиберскую волости «для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают». Кроме того, калмыки привезли для обмена меха, дубленые кожи и пригнали около 100 лошадей (Пространство..., 2013: 33, 72, 73). На тот же год интересные сведения содержатся в рапорте инженер-капитана Сергея Плаутина. Он указывает, что «все Кузнецкого ведомства двоеданческие волости имеют в горах железную руду, которую они сами в юртах своих по малому числу плавят и делают котлы, топоры, а тем более они платят в Зенгорию, а те, которые поблизости к Кузнецку и деревням живут, продают железо». Основной акцент сделан на Кондомо-Барсоятскую или Катунскую, а также Четтиберскую волости, про жителей которых прямо указывается, что «руды оные сами плавят и тем железом более ясак платят зенгорскому владельцу, а в Кузнецк платят зверьми и промысел имеют» (Огурцов, 2008: 164, 165).

Вскоре в Кондомские волости был отправлен указ, предписывающий двоеданцам впредь джунгарам алман давать «зверем или чем иным, кроме железных котлов и таганов, а железо якобы потребно в Кузнецк» (Пространство..., 2013: 77; ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия Главного командира Сибирского корпуса. Оп. 1. Д. 7. Л. 20). Этот документ ранее не раз ошибочно приводился в качестве последнего примера массового использования ясачного железа в хозяйственных нуждах Кузнецка (Потапов, 1936: 188; Каменецкий, 2005: 190), но ключевым для его понимания служит слово «якобы». Несмотря на то, что ясачных татар пытались обнадеежить, что железо у них будет принято в счет уплаты ясака, на самом деле никакой особой потребности в нем не было.

Об археологических комплексах Горной Шории XVII–XVIII вв. пока известно немного. Раскопки в этом таежном регионе ведутся от случая к случаю только последние 30 лет. И лишь в единичных публикациях содержится краткая информация по объектам Горной Шории XVII–XVIII вв., связанным с металлургией железа (Юриш, 1968; Ширин, 1999). Все они выявлены

случайно. Площади раскопок были крайне незначительные. При обнаружении шлаков, те детально не фиксировались, типологически не разделялись и не взвешивались. Картографирование выявленных местонахождений XVII–XVIII вв. (Рис. 1) показывает, что памятники металлообработки распределены по кузнецким ясачным волостям в близком соответствии с известными упоминаниями в документах.

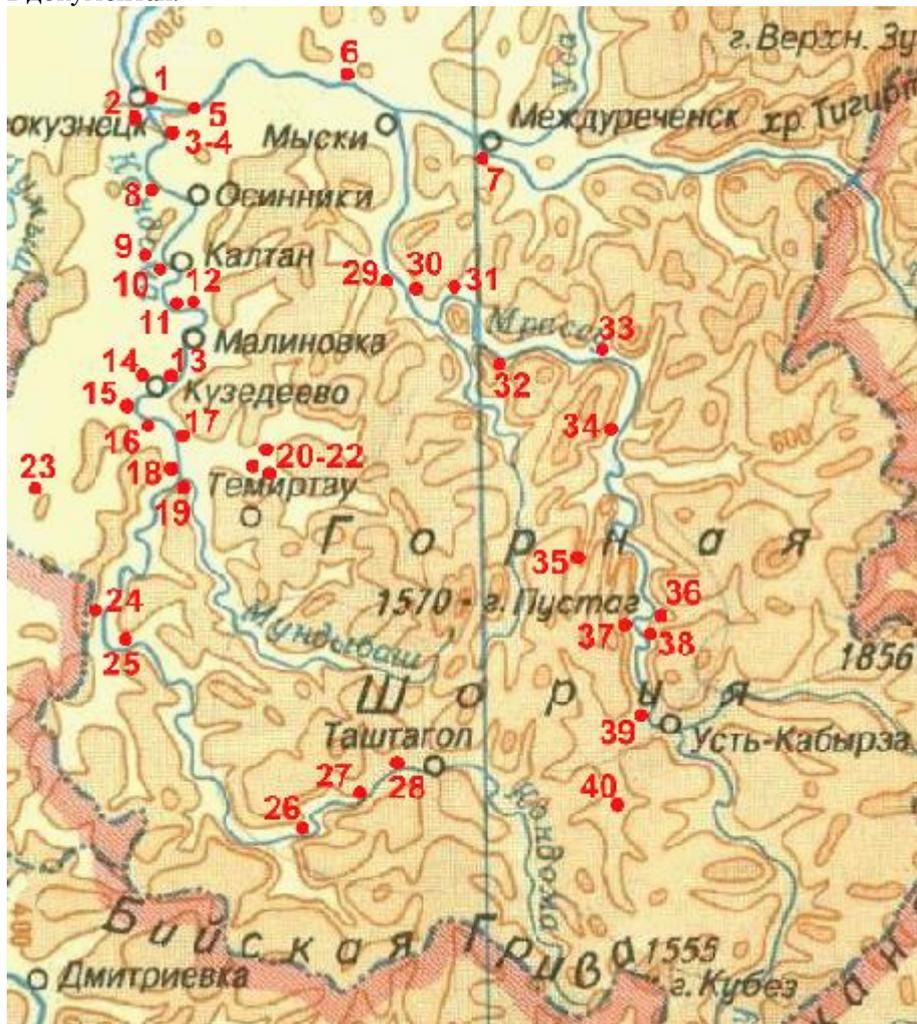

Рис. 1. Местонахождения остатков железоделательного производства XVII–XVIII вв. на территории проживания кузнецких татар (По данным на 2017 г.)

1 – Кузнецкий острог; 2 – местонахождение Старая Кондома; 3 – поселение Смирновка 1; 4 – поселение Смирновка 2; 5 – местонахождение Кешев остров; 6 – поселение Старое Жилье; 7 – поселение Междуреченск; 8 – поселение Малово 1; 9 – городище Николаевка 3; 10 – поселение Усть-Кинерка; 11 – поселение Сарбала 4; 12 – поселение Сарбала 1; 13 – поселение Аил 1; 14 – поселение Теш 5; 15 – поселение Юла; 16 – поселение Шартон; 17 – местонахождение Медная; 18 – поселение Луговушка; 19 – поселение Мундыбаш 1; 20 – местонахождение Тельбес 1; 21 – местонахождение Тельбес 2; 22 – местонахождение Тельбес 3; 23 – поселение Мунай 3; 24 – поселение Старососновское; 25 – местонахождение Широкий Луг 4; 26 – поселение Калташ; 27 – поселение Усть-Ганова; 28 – поселение Спасск; 29 – поселение Мзас 4; 30 – поселение Тоз 4; 31 – поселение Шодрова 2; 32 – поселение Земелье; 33 – поселение Тешев лог; 34 – поселение Колагас; 35 – местонахождение Усть-Шогалых; 36 – поселение Усть-Анзас; 37 – поселение Сайлынгол; 38 – поселение Комус; 39 – поселение Пызас 2; 40 – местонахождение Алзак.

Наиболее частая находка в местах железоделательного производства Горной Шории XVII–XVIII вв. – шлаки в виде выпуклых лепешек. Средний диаметр таких шлаков составляет 8–10 см. С верхней, относительно уплощенной стороны, шлаки имеют пористо-ячеистую корку, иногда блестящую. При раскалывании шлак монолитен, с видимой кристаллической структурой и железистым цветом на изломе (Рис. 2, 3–4).

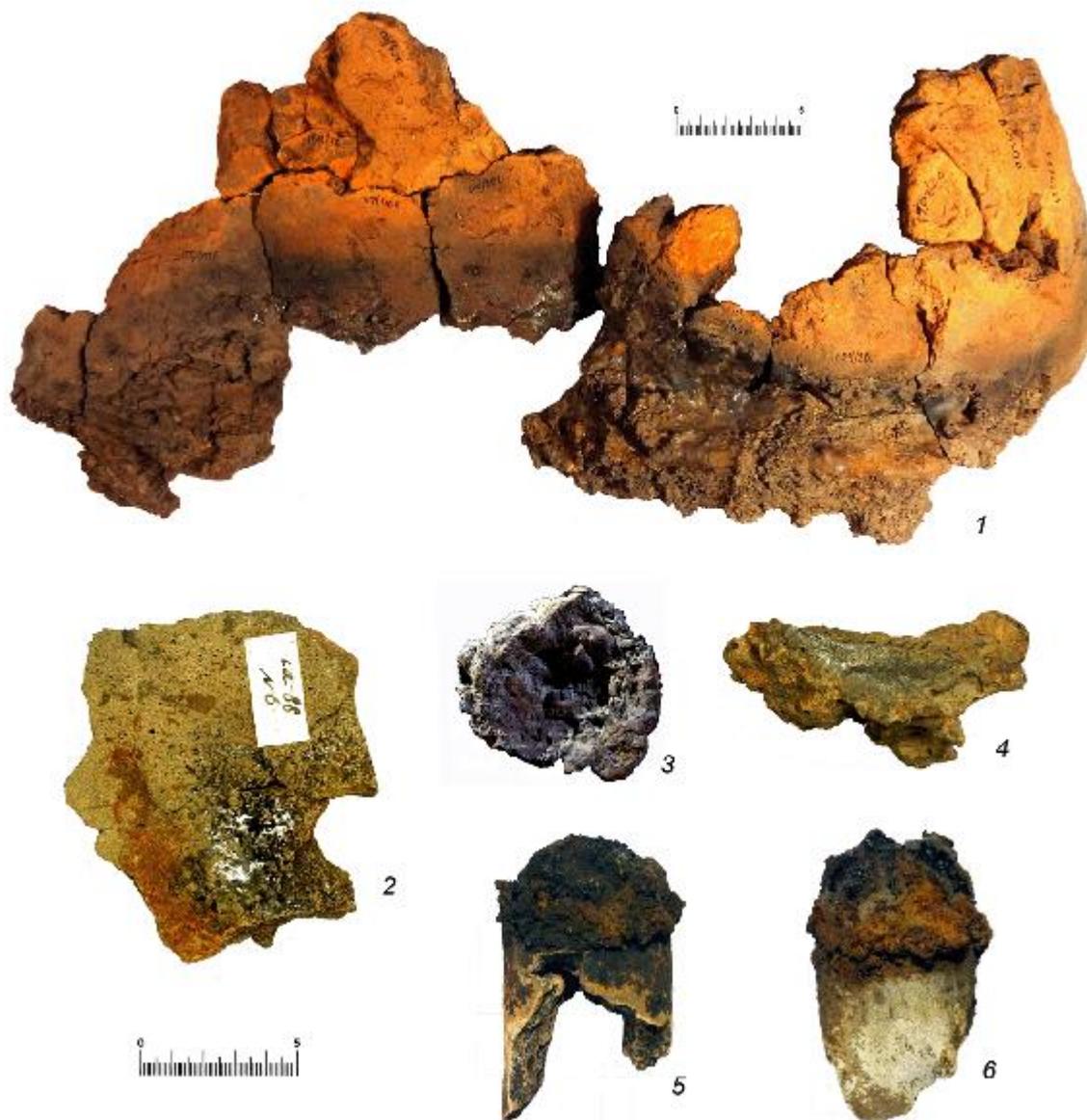

Рис. 2. Типичные находки на железоделательных памятниках Горной Шории XVII–XVIII вв. Материалы раскопок Ю.В. Ширина.

1 – внешняя сторона нижней части горна напротив воздуходувных сопел (поселение Шартон 1); 2 – оплавленная внутренняя поверхность глиняной конструкции горна, у воздуходувного отверстия (поселение Луговушка); 3, 4 – железные шлаки (местонахождение Мундыбаш 1); 5, 6 – фрагменты ошлакованных кончиков воздуходувных сопел (поселение Шартон 1).

До недавних пор практически все находки шлаков и фрагментов ошлакованных теплотехнических сооружений атрибутировали как признаки железоплавильных печей. В 1940-е гг. кузнецкий краевед К.А. Евреинов по найденным в окрестностях Кузнецка ошлакованным днищам и обломкам глиняных стенок сделал первые графические и макетные реконструкции таких печей (НКМ. КП. № 1897). Позднее эти реконструкции использовал Я.И. Сунчугашев для характеристики отличительных особенностей металлургии кузнецких татар при сравнении с железоделательными комплексами обитателей соседних Минусинских котловин (Сунчугашев, 1979: 158, 159).

Полученные Я.И. Сунчугашевым выводы явно противоречили теоретическим ожиданиям. Железная металлургия Горной Шории по уровню своего развития и технической оснащенности должна была бы быть более сходной с тем, что можно наблюдать в материалах памятников Минусинских котловин. К этому предположению склоняет преобладающий характер экономических контактов и родственных связей населения этих двух регионов Южной Сибири. Возможные сомнения по этому поводу развеивались ссылками на сведения И.Г. Гмелина (Гмелин, 2003: 102). Ведь тот лично вместе с Г.Ф. Миллером наблюдал в 1734 г. использование сходной с реконструированной К.А. Евреиновым конструкции в одной из юрт кузнецких татар, на р. Кондоме (в окрестностях современного г. Калтан). Существует и детальная графическая зарисовка этой демонстрационной плавки, сделанная тогда же И.В. Люрсениусом (Рис. 3).

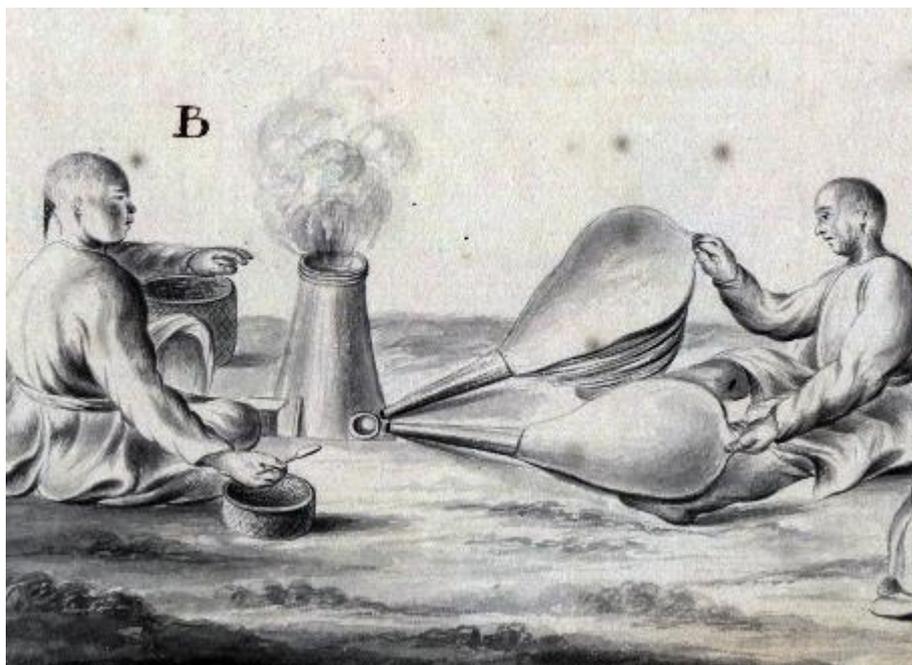

Рис. 3. Варка железа кузнецкими татарами в 1734 г.
Фрагмент рисунка И.В. Люрсениуса (по: [Водясов, 2016: рис. 1](#)).

Но описанный И.Г. Гmeliным металлургический процесс и полученный в итоге результат тоже не могут не вызывать вопросов. Так, И.Г. Гмелин пишет: «Из трех фунтов руды получают около двух фунтов железа... Все это мы наблюдали в течение полутора часов» (2003: 102, 103). При сопоставлении этих сведений с известными для XVII в. параметрами кустарного железодельного производства в других регионах отмечено их принципиальное несоответствие ([Овсянников, 2016: 269–274](#); [Водясов, 2016: 340–341](#)). В качестве возможных объяснений этому мы выдвинули несколько гипотез, расположив их в порядке уменьшения вероятности. Можно предположить, что членам академической экспедиции кузнецкими татарами был показан не стандартный процесс варки железа, а:

- 1) – переплавка одной или нескольких криц, с подсыпкой флюсов для выведения шлаков;
- 2) – специально подготовленный процесс варки железа с идеальными условиями и предельно качественными компонентами;
- 3) – имитация процесса с заранее подложенной крицей.

По мнению Е.В. Водясова, в описании И.Г. Гмелина указан не вес конечного объема железа, а примерный вес ошлакованного конгломерата, только что извлеченного из печи ([Водясов, 2016: 340](#)).

К этому можно добавить следующие археологические наблюдения.

Развал одной из глиняных ошлакованных конструкций, сходной с описанной И.Г. Гmeliным, найден на поселении Теш 5 ([Ширин, 1999: 212–215](#)). Такая же конструкция была нами недавно восстановлена при изучении археологической коллекции, полученной при разведочных раскопках Ю.В. Ширина на поселении Шартон 1 ([Рис. 2, 1; 4, 6](#)). Керамические фрагменты от горнов близких размерных параметров найдены на поселениях Кондомы и Мрассу: Смирновка 1, Медная, Луговушка, Мундыбаш 1, Спасск, Сайлынгол, Усть-Анзас ([Рис. 4, 1, 2, 5](#)).

Исследуя фрагменты глиняных стенок горнов, мы обратили внимание на то, что они относительно тонкие, а их внутренняя поверхность прокалена неравномерно. Особенно сильно ошлакованы стенки вдоль нижней кромки. Напротив дутьевых отверстий они имеют пузырящиеся стекловидные потеки черного цвета ([Рис. 2, 1, 2](#)). Такая метаморфизация легкоплавких глин возможна уже при нагреве до 1150 град., а при контакте с окислами железа это может случиться еще раньше. В то же время, чтобы в ходе плавки довести получаемые зерна железа до сварочного состояния, температура в нижней части печи, где они скапливаются, должна быть поднята до 1300–1400 град.

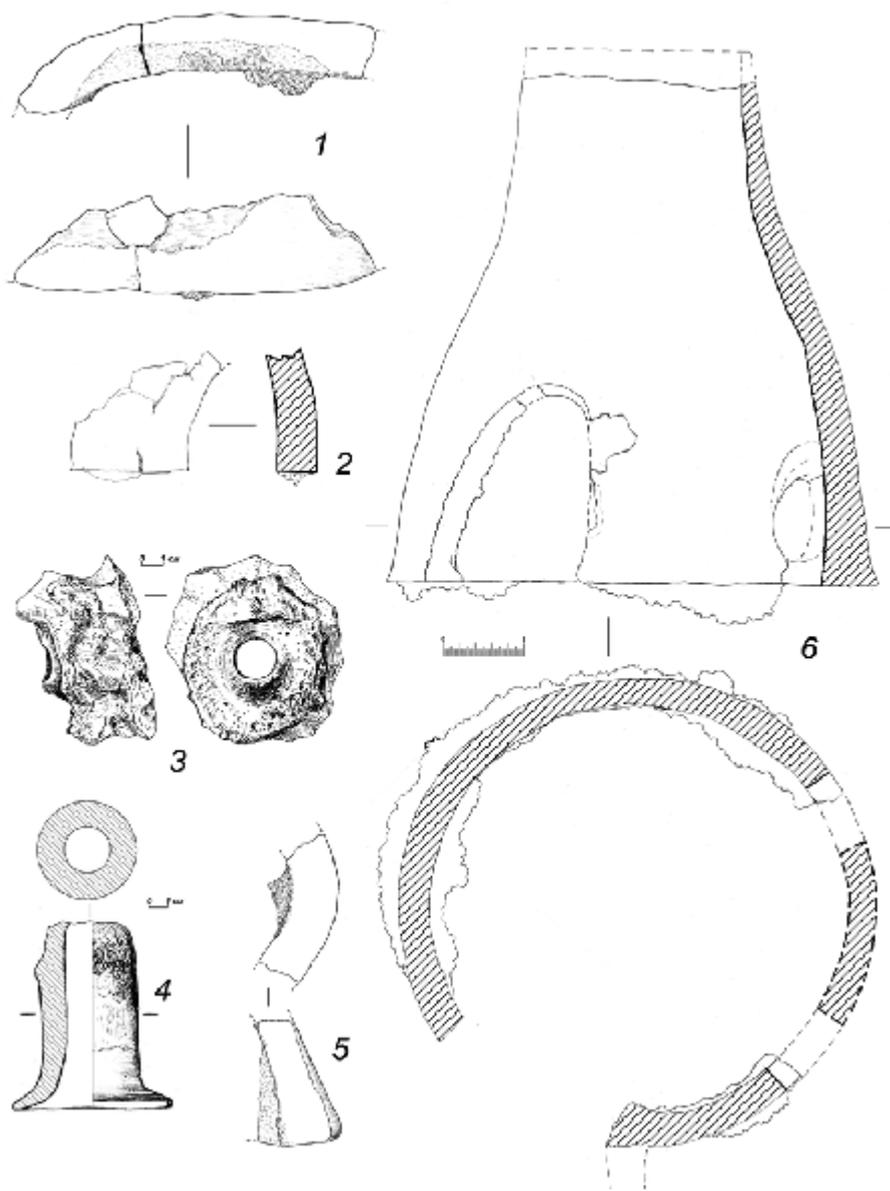

Рис. 4. Глиняные элементы железодельных горнов XVII–XVIII вв.

По материалам раскопок Ю.В. Ширина.

1, 5 – поселение Сайлынгол; 2 – поселение Мундыбаш 1; 3 – местонахождение Тельбес 1; 4 – поселение Теш 5; 6 – поселение Шартон 1.

Чтобы уменьшить шансы прогорания стенок наземных конструкций при их наличии, их делают из достаточно толстых жгутов глины либо выкладывают изнутри камнем. Чрезмерных температур в обследованных нами горнах, похоже, не достигали, а если и достигали, то прожигали стенку горна (Рис. 2, 1). Это позволяет предполагать, что рассмотренные фрагменты глиняных стенок – остатки не железоплавильных печей, а кричных или кузнечных горнов. В них, вероятнее всего, производилась доработка железных полуфабрикатов.

К этому же выводу склоняет и морфологическая оценка железных шлаков, собранных рядом с рассмотренными горнами. Подобные лепешкообразные шлаки (Рис. 2, 3, 4), сопровождаемые мелкими обломками, обычно находят в местах переплавки криц (Водясов, Зайцева, 2017: 109). Это было установлено и подтверждено сотнями экспериментов.

Таким образом, находки железных шлаков не всегда могут служить основанием для выделения железоплавильных печей. Выводы, сделанные на основе учета морфологических свойств шлаков, следует контролировать химическими анализами. Не всегда можно отличить и обломки глиняных конструкций плавильных печей от фрагментов горнов иного назначения.

Дутьевое устройство, используемое кузнечными татарами в рассмотренном типе горнов, состояло из огнеупорных сопел и воздуходувных мехов, тип которых нам известен только по рисунку 1734 г. (Рис. 3). Длина сопла в среднем составляет 12 см, а диаметр дутьевого отверстия – 2 см. В местах соединения с мехами сопла имеют растрескивания (Рис. 4, 4). Для изготовления сопел, найденных на Кондоме и на Мрассу, в XVII–XVIII вв. использовалась белая огнеупорная глина. Ее редкое, но

достаточно крупное месторождение известно на правом притоке р. Кондомы – на р. Калтан. В конце XVIII–XIX вв. здесь же ее добывали и для алтайских металлургических заводов (Слатин, 1836).

В ходе работы кончик сопла оплавлялся и нередко прикипал к стенкам печи или к донному шлаку (Рис. 2, 5, 6; 4, 3, 4). С большей вероятностью сопла могли быть повторно использованы при кузнечной работе, но не при плавке руды с иными температурными режимами.

Рудной базой для производства железа могли служить не только ныне хорошо известные Темир-Тельбесская, Казская, Тазская, Кондомская, Верхне-Кондомская, Ташелгинская и Верхне-Майзасская группы железорудных месторождений, но и многочисленные более мелкие проявления руд, в том числе гематитовых и сидеритовых. К сожалению, в Горной Шории пока не изучено ни одной древней горной выработки по добыче железной руды. Возможно, мы еще не выявили ни одной археологизированной железоплавильной печи, т.к. варка железа производилась именно на местах рудных разработок. Известно описание только одного объекта, по размеру и конструкции сопоставимого с известными в Южной Сибири железоплавильными печами. Этот объект был обнаружен геологом В.В. Юришем в окрестностях пос. Тоз на р. Мрассу. То, что было описано как часть железоплавильной печи, было сооружено из обмазанных глиной плит песчаника. В одну из стенок конструкции были вмазаны 4 воздуховодных сопла (Юриш, 1968: 6), подобных фрагменту с местонахождения Тельбес 1 (Рис. 4, 3).

Рядом с горами часто находят не только много шлаков, но и наковальни из плоских гранитных валунов (Рис. 5). На них металлурги выполняли черновую доработку железа (Юриш, 1968: 6; Ширин, 1999: 213).

Рис. 5. Гранитная наковальня для обработки железных криц (сборы Ю.В. Ширина на поселении Юла 1).

Прокованная крица в виде брусков поступала к кузнецам для дальнейшего использования. Несколько таких криц, весом от 330 до 370 г, было найдено при раскопках Кузнечного острога в комплексах XVII–XVIII вв. (Рис. 6) (Зиняков, 2014: 84).

Рис. 6. Железные крицы из комплексов Кузнецка XVII–XVIII вв.
Раскопки Ю.В. Ширина в 1990, 2012 гг.

Кузнечное ремесло кузнецких татар практически не изучалось (Сунчугашев, 1979: 162–163). Среди кузнечных изделий XVII–XVIII вв., полученных при раскопках Кузнецка и его окрестных деревень, типологически выделены предметы, которые с высокой вероятностью могли быть изготовлены кузнецкими татарами. К ним относятся наконечники стрел, пластина куюка (Рис. 7, 1), мотыжки (абылы), наконечник корнекопалки (озуп) (Рис. 7, 2), а также крицы (Рис. 6) (Зиняков, 2014: 82–93).

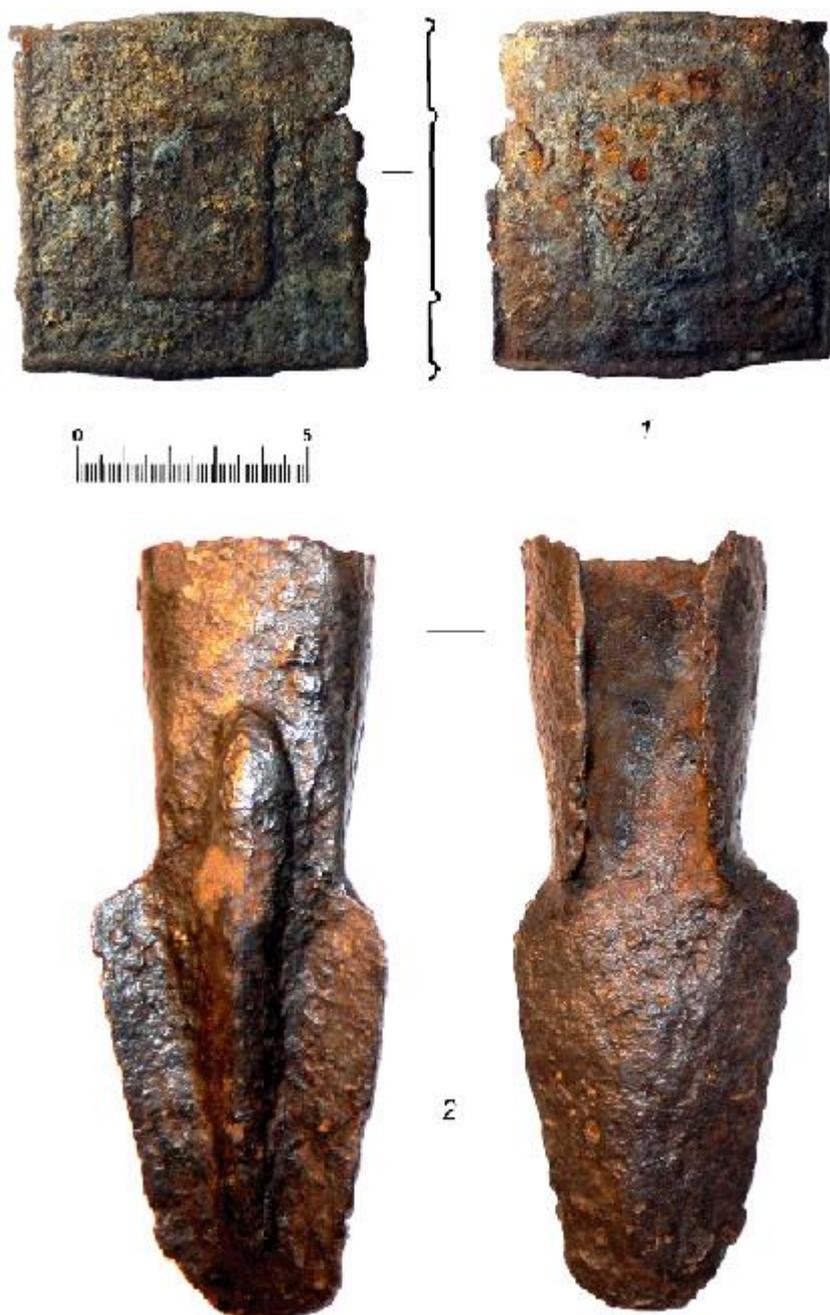

Рис. 7. Изделия из низкоуглеродистой стали из комплексов Кузнецка XVII–XVIII вв. Раскопки Ю.В. Ширина в 2012 г.

1 – пластина куюка; 2 – насадка корнекопалки (озуп).

В исследованных местах железообработки кузнечной продукции встречено немного. Среди находок известны единичные наконечники стрел, мелкие заготовки и скобяные изделия (Ширин, 1999: 212). Отметим, что все железные инструменты, используемые в металлургическом производстве в позднем средневековье на территории Обь-Томского междуречья, были обнаружены в погребальных комплексах. Пока нам неизвестно ни одного могильника кузнечных татар.

Что касается атрибуции некоторых предметов защитного вооружения, найденных на сопредельных Кузнецкому краю территориях, в качестве вещей «шорского производства» (Бобров, Худяков, 2008: 652), то это лишь смелые гипотезы, пока ничем не подтвержденные. Вместе с тем отметим, что все ссылки скептиков на отсутствие среди археологических материалов Горной Шории чего-либо из того, что может соответствовать ожидаемому высокому уровню развития здесь в XVII–XVIII вв. металлургического и кузнечного производства, также неправомерны. Можно констатировать лишь плохую археологическую изученность региона, пока не отражающую реального положения в данной сфере хозяйственной деятельности кузнечных татар.

5. Заключение

Существующие у исследователей расхождения в оценках уровня развития металлургии и кузнечного ремесла у исторических предков шорцев могут быть преодолены на основе критического анализа архивных документов XVII–XVIII вв. Для дополнения существующей источниковой базы необходимо обратиться к анализу ясачных книг.

Дальнейшие целенаправленные археологические исследования по данной проблематике также могут значительно продвинуть нас в реконструкции условий экономической адаптации коренных жителей Южной Сибири в процессе взаимодействия с русским населением, а также к постепенному прояснению форм трансформации их хозяйственных укладов.

6. Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.28.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

- АИ, 1841** – Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841. 538 с.
- Бобров, Худяков, 2008** – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774 с.
- Богораз, 1927** – Богораз В.Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. МАЭ. 1927. Т. VI. С. 37–62.
- Вилков, 1967** – Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
- Водясов, 2016** – Водясов Е.В. Сыродутный способ получения железа у кузнечных татар (по материалам Великой Северной экспедиции) // *Былые годы*. 2016. Вып. 2. С. 335–344.
- Водясов, Зайцева, 2017** – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Что может рассказать археологу железный шлак? // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2017. № 47. С. 107–115.
- Выписки...** – Выписки из старинных столбцов Кузнечного архива, XIX в. (середина). 27 л. / Научная библиотека ТГУ. Отдел редких книг. Витр. 784.
- Георги, 1776** – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени. СПб.: Тип. К.В. Миллера, 1776. 188 с.
- Гмелин, 2003** – Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе–сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von demahre 1733–1734») // *Кузнечная старина*. Новокузнецк: Изд-во «Кузнечная крепость», 2003. Вып. 5. С. 86–107.
- ДАИ, 1875** – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1875. Т. 10. 516 с.
- Долгих, 1960** – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Дыренкова, Потапов, 1928** – Дыренкова Н.П., Потапов Л.П. Озуп и абыл – хозяйственные орудия шорцев Кузнечной тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // *Культура и письменность Востока*. Баку, 1928. Кн. III. С. 103–123.
- Зиняков, 2014** – Зиняков Н.М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнечного острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. Т. I. С. 82–93.
- Каменецкий, 2005** – Каменецкий И.П. Русское население Кузнечного уезда в XVII – начале XVIII вв.: (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: Тип. ИП Долгов Р.Н., 2005. 340 с.
- Карпенко, 1963** – Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. 215 с.
- Кашин, 1934** – Кашин В.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Кузнечного края в XVII–XVIII вв. // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.; Л., 1934. № 7–8. С. 11–31; № 9–10. С. 79–100.
- Кимеев, 2013** – Кимеев В.М. Традиционные ремесла шорцев // *Вестник КемГУ*. 2013. № 4 (56). Т. 1. С. 27–32.
- Крижанич, 1965** – Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. 736 с.
- Миллер, 2003** – Миллер Г.Ф. Описание Кузнечного уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // *Кузнечная старина*. Новокузнецк: Изд-во «Кузнечная крепость», 2003. Вып. 5. С. 63–85.
- Об уводе...**, 2013 – Об уводе кузнецов // *Из кузнечной старины*. Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. Вып. 4. С. 144–146.
- Овсянников, 2016** – Овсянников С.Г. История Калтана и близлежащих мест. Часть I. Легенды и реальность. Калтан: Б. и., 2016. 290 с.

Огурцов, 2008 – Огурцов А.Ю. Материалы военно-инженерной разведки 1745–1746 гг. на Алтае и в Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2008. Вып. 10. С. 159–165.

Памятники..., 1885 – *Памятники сибирской истории XVIII века*. СПб.: Тип. МВД, 1885. Кн. 2. XXIV, 541 с.

Потапов, 1936 – *Потапов Л.П.* Очерки по истории Шории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с.

Потапов, 1953 – *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Пространство..., 2013 – Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 314 с.

Пьянзин, 2010 – *Пьянзин А.А.* Странные «кузнецы» / Электронный ресурс. URL: <http://palexu.livejournal.com/3516.html#cutid1> (время доступа 18.02.2018).

Сергеев, 1973 – *Сергеев В.И.* Железодельное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)*. М.: Наука, 1973. С. 125–128.

Слатин, 1836 – *Слатин [И.А.]* Об огнеупорной Калтанской глине // *Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся*. СПб.: Тип. Имп. АН, 1836. Ч. IV. Кн. X. С. 183–195.

Смердов, 1947 – *Смердов А.Н.* В стране Темира. Иркутск: Обл. изд-во, 1947. 82 с.

Сунчугашев, 1979 – *Сунчугашев Я.И.* Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск: Наука, 1979. 191 с.

Титов, 1890 – *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 262 с.

Шемелев, 1998 – *Шемелев В.Н.* История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. Вып. 1. 368 с.

Шерстова, 1999 – *Шерстова Л.И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 1999. 434 с.

Шерстова, 2010 – *Шерстова Л.И.* Трансформация хозяйства аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2010. № 1(9). С. 92–103.

Ширин, 1999 – *Ширин Ю.В.* Металлургия кузнецких татар в XVIII веке // *Вопросы археологии и истории Южной Сибири*. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. С. 209–216.

Юриш, 1968 – *Юриш В.О.* Следы Усчилар // *Огни Кузбасса*. Кемерово, 1968. № 2. С. 5–9.

References

AI, 1841 – Akty Istoricheskie, sobrannye i izdannye Archeograficheskoy komissiej [Historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. Т. 3: 1613–1645. СПб.: Тип. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1841. 538 p.

Bobrov, Hudyakov, 2008 – *Bobrov L.A., Hudyakov Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v ehpohu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and tactics of nomads of Central Asia and Southern Siberia during the late Middle Ages and early Modern times (XV – first half of the XVIII C.)]. СПб.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 774 p. [in Russian]

Bogoraz, 1927 – *Bogoraz V.G.* (1927). Drevnie pereseleniya narodov v Severnoj Evrazii i v Amerike [Ancient migrations of peoples in Northern Eurasia and in America]. Sb. MAE. Т. VI. pp. 37-62. [in Russian]

DAI, 1875 – Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. СПб.: Тип. Eduarda Pratsa, 1875. Т. 10. 516 p. [in Russian]

Dolgh, 1960 – *Dolgh B.O.* (1960). Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and tribal composition of peoples of Siberia in the XVII C.]. М.: Изд-во АН СССР. 622 p. [in Russian]

Dyrenkova, Potapov, 1928 – *Dyrenkova N.P., Potapov L.P.* (1928). Ozup i abył – hozyajstvennye orudiya shorcev Kuznetskoj tajgi (iz oblasti pervobytnoj kul'tury turetskih plemen) [Ozup and abył – instruments of Shors of Kuznetsk taiga (from area of primitive culture of Turkish tribes)]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Baku. Kn. III. pp. 103-123. [in Russian]

Georgi, 1776 – *Georgi I.G.* (1776). Opisanie vsekh v Rossijskom gosudarstve obitayushchih narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. Ch. 2: O narodah tatarskogo plemeni. [Description of the all living people in Russian State, their everyday rituals, beliefs, usages, shelter, clothing and other memorability. Part 2: About peoples Tatar tribe]. СПб.: Тип. K.V. Millera. 188 p. [in Russian]

Gmelin, 2003 – *Gmelin I.G.* (2003). Poezdka po Rudnomu Altayu v avguste-sentyabre 1734 g. (iz knigi «Reise durch Sibirien von demahre 1733 – 1734») [A trip to the Rudny Altai in August-September 1734 (from the book «Journey through Siberia from the years 1733-1734»)]. *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Изд-во «Kuznetskaya krepost'». Vyp. 5. pp. 86–107. [in Russian]

Kamenetskij, 2005 – *Kamenetskij I.P.* (2005). Russkoe naselenie Kuznetskogo uezda v XVII – nachale XVIII vv.: (Opyt zhiznedeyatel'nosti v usloviyah frontira Yuzhnoj Sibiri) [Russian population of

- Kuznetsk county in the XVII – the beginning of XVIII century: (Experience of life in conditions of frontier of Southern Siberia)]. Omsk: Tip. IP Dolgov R.N. 340 p. [in Russian]
- Karpenko, 1963** — *Karpenko Z.G.* (1963). Gornaya i metallurgicheskaya promyshlennost' zapadnoj Sibiri v 1700-1860 gg. [Mining and metallurgical industry of Western Siberia in 1700-1860]. Novosibirsk: Izd-vo SO AN SSSR. 215 p. [in Russian].
- Kashin, 1934** — *Kashin V.N.* (1934). Krest'yanskaya zhelezodelatel'naya promyshlennost' Kuznetskogo kraja v XVII – XVIII vv. [Peasant iron-making industry of Kuznetsk region in the XVII - XVIII centuries]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. M.; L., 1934. № 7–8. S. 11–31; № 9–10. pp. 79–100.
- Kimeev, 2013** — *Kimeev V.M.* (2013). Tradicionnye remyosla shorecev [Shors' Traditional Crafts]. *Vestnik KemGU*. № 4 (56). T. 1. pp. 27–32. [in Russian]
- Krizhanich, 1965** — *Krizhanich Yu.* (1965). Politika. [Policy]. M.: Nauka. 736 p. [in Russian]
- Miller, 2003** — *Miller G.F.* (2003). Opisanie Kuzneckogo uezda Tobolskoj Provincii v Sibiri v nyneshnem ego sostoyanii, v sentyabre 1734 g. [Description of Kuznetsky district of Tobolsk Province in Siberia in its present state, in September 1734]. *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaya krepost'». Vyp. 5. pp. 63–85. [in Russian]
- Ob uvode..., 2013** — Ob uvode kuznecov [On abduction of blacksmiths]. *Iz kuznetskoj stariny*. Novokuznetsk: Izd-vo OOO «Poligrafist», 2013. Vyp. 4. pp. 144–146. [in Russian]
- Ogurtsov, 2008** — *Ogurtsov A.Yu.* (2008). Materialy voenno-inzhenernoj razvedki 1745–1746 gg. na Altae i v Sayanah kak istochnik po ehkonomike korennyh narodov Yuzhnoj Sibiri [Materials on military engineer reconnaissance of 1745-1746 years in Altai and Sayan mountains as source for research economy of indigenous peoples of South Siberia]. *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaya krepost'». Vyp. 10. pp. 159-165.
- Ovsyannikov, 2016** — *Ovsyannikov S.G.* (2016). Istoriya Kaltana i blizlezhashchih mest. Ch. I. Legendy i real'nost'. [History of Kaltan and nearby places. Part I. Legends and reality.]. Chast' I. Legendy i real'nost'. Kaltan: B. i. 290 p. [in Russian]
- Pamyatniki..., 1885** — Pamyatniki sibirskoj istorii XVIII veka. [Evidences of Siberian history of the XVIII century]. SPb.: Tip. MVD, 1885. Kn. 2. XXIV, 541 p.
- Potapov, 1936** — *Potapov L.P.* (1936). Ocherki po istorii Shorii. [Essays on history of Shoria]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. 260 p.
- Potapov, 1953** — *Potapov L.P.* (1953). Ocherki po istorii altajcev [Essays on history of altaians]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 444 p.
- Prostranstvo..., 2013** — Prostranstvo Severnogo Kazahstana i Sibiri v istoriicheskoj retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikacijam G.N. Potanina) [Area of Northern Kazakhstan and Siberia in historical retrospective of the XVIII C. (according to documentary publications of G.N. Potanin)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013. 314 p.
- Pyanzin, 2010** — *Pyanzin A.A.* (2010). Strannye «kuznetsy» [Strange «blacksmiths»]. URL: <http://palexylivejournal.com/3516.html#cutid1> (18.02.2018).
- Sergeev, 1973** — *Sergeev V.I.* (1973). Zhelezodelatel'noe proizvodstvo v Tomske i Kuznetske v pervoj treti XVII v. [Iron-making production of Tomsk and Kuznetsk in the first third of the XVII c.]. *Russkoe naselenie Pomor'ya i Sibiri (Period feodalizma)*. M.: Nauka. pp. 125–128.
- Shemelyov, 1998** — *Shemelyov V.N.* (1998). Istoriya Kuzbassa s drevnejshih vremen do otmeny krepostnogo prava [History of the Kuzbass from ancient times to abolition of serfdom]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Vyp. 1. 368 p.
- Sherstova, 1999** — *Sherstova L.I.* (1999). Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoj Sibiri v XVII-XIX vv. [Ethnopolitical history of Turks of Southern Siberia in the XVII-XIX centuries]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. politekh. un-ta. 434 p.
- Sherstova, 2010** — *Sherstova L.I.* (2010). Transformaciya hozyajstva aborigennogo naseleniya Yuzhnoj Sibiri v XVII–XIX vv. [Transformation of economy of aboriginal population of Southern Siberia in the XVII–XIX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 1(9). pp. 92–103. [in Russian]
- Shirin, 1999** — *Shirin Yu.V.* (1999). Metallurgiya kuzneckih tatar v XVIII veke [Metallurgy of the Kuznetsk tatars in the XVIII century]. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, pp. 209–216. [in Russian]
- Slatin, 1836** — *Slatin [I.A.]* (1836). Ob ogneupornoj Kaltanskoj gline [About refractory Kaltan clay] // *Gornyi zhurnal ili sobranie svedenii o gornom i solyanom dele s prisovokupleniem novykh otkrytii po naukam, k semu predmetu odnosyashchimsya*. SPb.: Tip. Imp. AN. Ch. IV. Kn. X. pp. 183–195.
- Smerdov, 1947** — *Smerdov A.N.* (1947). V strane Temira. [In country of Temir]. Irkutsk: Obl. izd-vo. 82 p.
- Sunchugashev, 1979** — *Sunchugashev Ya.I.* (1979). Drevnyaya metallurgiya Hakasii (ehpoha zheleza) [Ancient metallurgy of Khakasia (Iron Age)]. Novosibirsk: Nauka. 191 p.
- Titov, 1890** — *Titov A.* (1890). Sibir' v XVII v. Sbornik starinnyh russkikh statej o Sibiri i prilozhashchih k nej zemlyah. [Siberia in the XVII century. Collection of old Russian articles about Siberia and its adjacent lands] M.: Tip. L. i A. Snegirevykh. 262 p.

Vilkov, 1967 — *Vilkov O.N.* Remeslo i trgovlya Zapadnoj Sibiri v XVII v. [Craft and trade of Western Siberia in the XVII c.]. M.: Nauka, 1967. 324 p. [in Russian]

Vodyasov, 2016 — *Vodyasov E.V.* (2016). Syrodotnyj sposob polucheniya zheleza u kuzneckih tatar (po materialam Velikoj Severnoj ehkspedicii) [Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition)]. *Bylye gody*. Vol. 40, Is. 2, pp. 335-344. [in Russian]

Vodyasov, Zaiceva, 2017 — *Vodyasov E.V., Zaiceva O.V.* (2017). Chto mozhet rasskazat' arheologu zheleznyj shlak? [What can iron slag tell an archaeologist?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 47. pp. 107-115. [in Russian]

Vypiski... — Vypiski iz starinnyh stolbcov Kuznetskogo arhiva. [Extracts from the old columns of the Kuznetsk archives]. XIX C. (middle). 27 p. Nauchnaya biblioteka TGU. Otdel redkikh knig. Vitr. 784. [in Russian]

Yurish, 1968 — *Yurish V.O.* (1968). Sledy Uschilar [Uschilar tracks]. *Ogni Kuzbassa*. Kemerovo. № 2. pp. 5–9.

Zinyakov, 2014 — *Zinyakov N.M.* (2014). K voprosu ob osobennostyah kuznechnogo proizvodstva Kuznetskogo ostroga i okrestnyh dereven' v XVII-XVIII vv.: na osnove metallograficheskikh issledovanij [On peculiarities of blacksmith's production of Kuznetsk burg and surrounding villages in the XVII-XVIII c.: on the basis of metallographic studies]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Izd-vo Magellan. T. I. pp. 82–93. [in Russian]

Проблемы интерпретации письменных и археологических источников о черной металлургии у кузнецких татар

Роман Андреевич Мартюшов ^{a, *}, Юрий Викторович Ширин ^b

^a Новокузнецкий краеведческий музей, Российская Федерация

^b Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Показаны истоки субъективизма в оценках уровня развития металлургии и кузнечного ремесла у исторических предков шорцев – кузнецких татар. На основе критического анализа архивных документов XVII–XVIII вв. признаны необоснованными утверждения о ведущей роли населения кузнецких ясачных волостей в снабжении енисейских кыргызов, телеутов и джунгар холодным оружием и железными доспехами.

Отмечена плохая археологическая изученность региона, не отражающая реального положения в какой-либо сфере хозяйственной деятельности кузнецких татар XVII–XVIII вв. При оценке уровня развития металлургии у населения Горной Шории все отсылки к археологическим материалам или к их отсутствию пока следует рассматривать как спекуляции.

Предложена иная трактовка некоторых из уже известных археологических источников, а также вводятся в научный оборот новые материалы по металлургии кузнецких татар, накопленные за последние 30 лет. Выявленные металлургические комплексы не всегда могут быть однозначно интерпретированы без компетентной морфологической оценки шлаков и конструкций, а также без проведения специальных технологических и химических анализов.

Высказаны гипотезы, направленные на снятие большинства противоречий в интерпретации источников всех типов. Целенаправленные археологические исследования по данной проблематике могут по-новому осветить тему экономической адаптации коренных жителей Южной Сибири и форм трансформации их хозяйственных укладов в процессе взаимодействия с русским населением.

Ключевые слова: кузнецкие татары, плавка железа, шлак, кузнечное ремесло, Новое время.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: martyushovromanandreevich@gmail.com (Р.А. Мартюшов), shirin_a@mail.ru (Ю.В. Ширин)